

Чай Цзыжань, видя, что его соблазн не тронул Мо Цзюцзюня, мысленно несколько раз извинился перед Юань Ханом и сказал: «Я помогу тебе заполучить Лоу Юйцзэ. Если он не согласится, я свяжу его и доставлю к тебе в постель, чтобы он и Юань Хан служили тебе одному.» Чай Цзыжань счёл это предложение весьма заманчивым и, глядя на по-прежнему бесстрастное лицо Мо Цзюцзюня жалобным взором, уныло спросил: «Идёт?»

«Не идёт.» — слабый, полный печали, обиды, страха и ужаса стон донёлся с кровати.

Чай Цзыжань обрадовался: «Хань Юань! Ты и вправду очнулся! Превосходно!»

Слабый Юань Хан, глядя на своего господина с глубокой скорбью, не смог сдержать слёз: «Господин... Не могли бы вы не толкать меня в огонь?»

«Э-э-э...» — Чай Цзыжань смущённо покосился на Мо Цзюцзюня. Говорить о ком-то как об «огне» прямо у него перед носом — нехорошо. Он поспешил перейти к сути: «Что с моей сестрой?»

«У-у-у-у...» — Юань Хан, разрыдавшись, на мгновение остановился, чтобы спросить: «Если я расскажу, вы больше не будете толкать меня в огонь?»

Чай Цзыжань с каменным лицом снова взглянул на Мо Цзюцзюня и с извиняющимся видом произнёс: «Прости, но я не могу тебе его отдать.» — вытер грязное лицо Юань Хана и добавил:

— «Да. Я, твой господин, решил не толкать тебя в огонь. Ни за что на свете не позволю тебе оказаться на одной кровати с Лоу Юйцзэ и Мо Цзюцзюнем.»

Мо Цзюцзюнь: «...»

Юань Хан, получив обещание Чай Цзыжаня, облегчённо вздохнул, словно избежав великой беды.

В ту ночь Юань Хан, напуганный свирепостью Мо Цзюцзюня во время купания, дрожал всем телом. Но после того как господин Цзыжань так уверенно всё разложил по полочкам, у него в голове вдруг прояснилось. Он, Юань Хан, — честный, непорочный слуга из хорошей семьи. Хоть внешностью и положением он господину немного уступает, зато в учёности его на голову превосходит.

Господин Цзюцзюнь больше всего любит господина Юйцзэ — первого таланта столицы, чья учёность общепризнанна. Из этого следует, что Мо Цзюцзюнь наверняка ценит образованных, талантливых и красивых мужчин. А у Юань Хана как раз и есть чем похвастаться — «талантом» да «внешностью». С трепещущим от страха сердцем он попрощался с господином, вознамерившись немедленно вернуться в Сяду и поклявшись никогда более не появляться на глаза этому живому Яме.

Учёностью Юань Хан мог похвастаться, а вот искусством бегства он господину Цзыжаню уступал. Он истратил большую часть накопленных тяжким трудом сбережений, нанял множество бойцов, и вся их ватага с шумом двинулась в Сяду. Юань Хан и не надеялся, что эти заурядные бойцы смогут устоять против слуг живого Ямы, но хоть суматоху создать дадут, а он тем временем улизнёт и пошлёт гонца к господину Цзыжаню — пусть приходит выручать.

Тревожное сердце Юань Хана забилось ещё при выезде из уезда Суюй и не унималось, пока они не миновали восемь горных хребтов и благополучно не достигли столицы. Только тогда он смог перевести дух. Воздал хвалы и Небу, и Земле, а потом и маркизу Синью.

К счастью, маркиз оказался человеком благородным и не стал принуждать его снова ехать присматривать за господином Цзыжанем. Хотя изначальный замысел маркиза был таков: раз уж молодой господин Цзыжань натворил дел в столице и нажил себе врагов, вряд ли он станет искать смерти и вернётся раньше, чем через три-пять месяцев.

Считая, что избежал напасти, Юань Хан зажил в резиденции маркиза тихо и мирно, полагая, что дни будут идти за днями в полном спокойствии. Кто ж знал, что и госпожа Яньжань окажется беспокойной хозяйкой! Взяла да и навязалась к нему с ворохом поклажи, велев проводить её обратно в Суюй, навестить братца. Замысел Юань Хана был таков: проводить госпожу Яньжань до Суюя и, пока слуги господина Цзюцзюня его не обнаружили, тихонько смыться. Так, без лишнего шума, и невинность свою сохранить.

Но беда, как водится, не приходит одна!

Путь из столицы в Суюй лежал через восемь горных хребтов, которые местные разбойники в шутку прозвали «Переправой Восьми Бессмертных». Каждый хребет был круче и мрачнее предыдущего, а разбойников встречалось всё больше и больше. К счастью, по дороге им повстречался какой-то хитромордый учёный по имени Жун Лин, с его помощью они кое-как преодолели пять хребтов. Юань Хан, простой слуга, сопровождающий барышню, которая только и умела, что вышивать, да ещё с этим тщедушным учёным в придачу... То, что он сумел, вымазав лицо куриной кровью и повалившись в кустах, выбраться и донести весть, — уже великая удача.

Услышав, что Чай Яньжань угодила в лапы к горным разбойникам, Чай Цзыжань немного успокоился. Репутация у разбойников хоть и не ахти, но до убийств и насилия они обычно не опускались. Он нахмурился, раздумывая: «Когда вас преследовали, обходя эти восемь хребтов, сколько примерно разбойников было? И чего они добивались?»

Юань Хан, всхлипывая, ответил: «Там ведь темнота кромешная, они по ночам нападали, я толком и не разглядел. Но разбойников много, на каждой горе свои дозоры, выставляют, нарочно одиночек поджидают. А мы с господином раньше всегда в Суюй с большой свитой ездили, с шумом да гамом. Я и сбегал-то тогда с охраной нанятой, потому они и не тронули. А тут... Нам с госпожой Яньжань не повезло, у-у-у-у...»

Чай Цзыжань, нахмурился, размышлял, как же спасти сестру. Мо Цзюцзюнь, стоя рядом, спросил: «Разбойники с каждого хребта действуют по отдельности? Стоило вам покинуть их территорию, как они прекращали погоню?»

Юань Хан, склонив голову набок и подумав, энергично закивал: «Верно, верно, именно так!» — ответил он и, встретившись взглядом с нахмуренным Мо Цзюцзюнем, поспешно шмыгнул за спину господина Цзыжаня, причитая:

— «Господин Цзюцзюнь, мой господин куда красивее меня, лучше на него обратите внимание! Не на меня! Я же вонючий, несколько дней не мылся, а господин мой всегда благоухает, очень благоухает!»

Чай Цзыжань, ещё не успев ничего толком обдумать, рассмеялся, рассерженный этой нелепой речью, развернулся и треснул Юань Хана по голове: «Ах ты, негодник! При господине посмел меня продать! Шкуру, что ли, не дорожишь?»

Юань Хан, всхлипывая, ответил: «Уж лучше пусть господин с меня шкуру спустит, чем господин Цзюцзюнь мою невинность отнимет!» — обхватил себя руками, шмыгнул носом и, выглянув из-за спины Чай Цзыжаня, бросил взгляд на бесстрастное лицо Мо Цзюцзюня с

видом готового скорее умереть, чем сдаться.

Мо Цюцзюнь, серьёзно подумав, перевёл взгляд с лица Юань Хана на Чай Цзыжаня: «А это неплохая мысль.»

Чай Цзыжань, обеспокоенный судьбой сестры, не был расположен к шуткам и раздражённо сказал: «Хватит болтать! Надо думать, как сестру спасти.»

У Мо Цюцзюня уже был готов план. Его взгляд скользнул между Чай Цзыжанем и его слугой: «Нужно выманить змею из норы.»

План «выманить змею из норы» был обычным приёмом при поимке воров, но для его исполнения требовалась приманка — большая белая крыса, которую змея захочет съесть. Выбор же подходящей «крысы» был делом первостепенной важности. Чай Цзыжань взглянул на перепачканного Юань Хана. Тот хоть и не был серьёзно ранен, но и перетруждаться ему было нельзя. С сожалением он перевёл взгляд на Суй Фэна и Суй Иня: «Они, люди тренированные, куда лучше подойдут.»

На самом деле, самой подходящей «белой крысой» для приманки «длинной змеи» Чай Цзыжань считал Мо Цюцзюня, но, пасуя перед ним как перед начальством, так и не осмелился это высказать.

Мо Цюцзюнь сказал: «Разбойники на «Переправе Восьми Бессмертных» установили контрольные посты, где несут службу тренированные бойцы. Если отправить туда людей, владеющих боевыми искусствами, мы лишь спугнём их.»

Чай Цзыжань удивился: «Разве они не просто сброд? Откуда у них контрольные посты и обученные бойцы? Моей сестре не грозит опасность?»

Мо Цюцзюнь улыбнулся: «В таком случае, придётся господину Цзыжаню лично выманивать змею.»

Лицо Чай Цзыжаня застыло, как у покойника. Но, беспокоясь о сестре, он вынужден был согласиться. Раз уж ему предстояло идти в горы, нужно было как следует подготовиться. Он принялся подробно расспрашивать Юань Хана: «Вспомни, где примерно расположены эти разбойничьи посты, я нанесу их на карту. И ещё — на каком именно хребте «Переправы Восьми Бессмертных» ты потерял связь с сестрой? Тоже важно отметить. Самое главное — их примерная численность, отличительные признаки, и наконец, какие у этих разбойников слабости, что они любят... Расскажи-ка мне...»

Чай Цзыжань не успел договорить, как Юань Хан, обиженно поджав губы, с досадой произнёс: «Господин, я же говорил — разбойники подлые, бесчестные, нападали под покровом ночи, я их и в лицо-то не разглядел, не то что какие-то признаки, слабости да пристрастия. А что до численности — на каждой гоне по-разному, но тех, что за нами гнались, больше десяти не было. А уж где госпожа Яньжань — я и подавно не знаю. Даже если бы и знал... разбойники бы её переместили.»